

ISSN 1990-5378

Специальный выпуск

2006

**ИЗВЕСТИЯ
САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Главный редактор
В.П. Шорин

www.ssc.smr.ru

**Специальный выпуск
“НОВЫЕ ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ”**

Самарский научный центр Российской академии наук

Самарский научный центр Российской академии наук

Известия Самарского научного центра Российской академии наук

Специальный выпуск "Новые гуманитарные исследования", 2006

Основан в 1999 г.

2 выпуска в год и специальные выпуски

Учредитель: Президиум Самарского научного центра РАН

Главный редактор

В.П. Шорин

Заместители главного редактора

Г.П. Аншаков, Ю.Н. Лазарев, В.А. Сойфер

Ответственный секретарь

С.С. Мещеряков

Редакционная коллегия

Ю.П. Аншаков, В.А. Барвинок, В.А. Виттих, В.Е. Воскресенский,
Ф.В. Гречников, А.Л. Петров, Г.С. Розенберг, Е.В. Шахматов, В.А. Сергеев

Редакционная коллегия специального выпуска

П.С. Кабытов (ответственный редактор), Э.Л. Дубман,
Е.Ф. Молевич, А.А. Шестаков

Адрес редакции: 453001, Самара, Студенческий пер., 3а,
Самарский научный центр Российской академии наук,
Тел. 2641365

электронная версия - <http://www.ssc.smr.ru/izvestiya.shtml/>

Самара

Издательство Самарского научного центра РАН

© Самарский научный центр
Российской академии наук
Президиум СНЦ РАН, 2006

УДК 809

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ «РУССКОЙ ЗЕМЛИ» В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

© 2006 В.В. Пузанов

Удмуртский государственный университет

Статья посвящена дискуссионному вопросу о происхождении политонима и этнонима «Русская земля». Автор отстаивает точку зрения, согласно которой начало формирования «Русской земли» в Среднем Поднепровье было связано с появлением там варяго-русов, и определяет Среднее Поднепровье (Киев, Чернигов и Переяславль) как зону русо-полянского синтеза. Варяго-русы, по мнению автора, явились катализатором процессов политогенеза на территории Киевской Руси, той силой, которая, наложившись на мощную волну восточнославянской колонизации, придала им динамизм и масштабность.

В исторической науке давно установлено, что в древнерусских летописях названия «Русь», «Русская земля» использовались в двух значениях: широко (применительно к территории всей Руси) и в узком (к территории Среднего Поднепровья) [20. С.60-80; 6; 19. С.117-124]. Многие исследователи, используя это обстоятельство, пытались доказать, что первичным было «узкое название», которое потом распространилось на остальные территории [20; 6]. Существует и другое, популярное в историографии, объяснение этого феномена: «Русская земля» складывалась на основе великокняжеского домена, при активном участии скандинавов [9. С. 278; 4. С.74, 77; 10. С. 26-30; 2. С.19, 23; 17. С. 145-146].

Вряд ли можно отрицать тезис о Среднеднепровской «Русской земле», как государственном ядре Киевской Руси (корректнее, на наш взгляд, вести речь о «политическом ядре»). Однако начало формирования «Русской земли» в этом регионе, равно как и превращение его в основной государствообразующий центр связано с появлением здесь варяго-русов. Когда это происходит — сказать с абсолютной точностью невозможно. Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин полагают, что «Русской» «эта земля стала называться с тех пор (оттоле), как в Киеве обосновались Олег и Игорь со своей русью» [9. С.276; 3. С.30; 10. С.29-30; 7. С. 77-86]. «Показательно — пишет В.Я. Петрухин, что Аскольд и Дир, закрепившиеся в Киеве до Олега», согласно ле-

тописи, «владеют не «Русской», а «польской» (полянской) землей» [10. С.29-30].

Подобная методика анализа летописных текстов вызывает определенные сомнения. «Повесть временных лет» (далее — ПВЛ), после того как уже Олег, по ее же сведениям, назвал Киев «матерью городов русских» (ключевая фраза для построений Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухина), сообщает о наложении дани на древлян, северян и радимичей, после чего «бе обладая Олегъ поляны, и деревляны, и северяны, и радимичи, а с уличи и теверци имяше рать» [12. С.14; 13. Стб.24]. Еще более интересен Ипатьевский вариант ПВЛ: «И бе обладая Олегъ деревляны, поляны, радимичи...»; здесь поляне отодвинуты на второе место после древлян [14. Стб.17]. То есть, если исходить из логики рассматриваемых авторов, Олег также обладал не «Русской», а «полянской» (как Аскольд и Дир) землей, плюс землями недавно подчиненных племенных союзов.

Следующее упоминание о действиях «руси» (если не считать не относящиеся к рассматриваемому вопросу общие рассуждения в контексте сказания о приобретении грамоты словенской под 898 г.) [16. С.107-108] содержится в летописном рассказе 907 г. о походе Олега на Византию. Оно также принципиально, в этом плане, не отличается от известия о походе Аскольда и Дира на ту же Византию [17. С.145-146]. Различие только в масштабах. И Аскольд с Диром, и Олег «обладали» полянами, а не Русью. Но Олег «обладал» еще другими завоеванными землями (судя по контексту

летописей, положение полян при Олеге, по крайней мере на начальном этапе, не улучшается, а даже ухудшается). На Византию Олег повел не 200 кораблей, как его предшественники, а 2000, плюс конницу. И тот и другой походы летописцем ассоциировался с походом «руси». Причем в обоих случаях «русь» – собирательное название для всех участников похода. (Только в сообщении о походе Игоря 944 г. на Византию ПВЛ, наряду с собирательным значением, выделит «русь» в перечне участников акции: «Игорь же, сокупивъ вои многи, варяги, русь, и поляны, словени, и кривичи, и теверце, и печенеги наа ... поиде на греки...» [12. С.23]).

Для нас, в данном случае, не важен вопрос об историчности Аскольда и Дира, равно как и вопрос об их отношении к Рюрику. Факт заимствования сведений о походе Аскольда и Дира летописцем у Продолжателя Амартола также не меняет существенно картины. Важно то, что летописец данное мероприятие связывал с «русью», как и поход 907 г. Следовательно, в его понимании, часть русов появилась в Киеве еще до Олега. Это неудивительно, ведь в трактовке составителя ПВЛ Аскольд и Дир – мужи Рюрика, пришедшие в составе приведенной им с собой «руси». Более того, несостоятельность попыток противопоставления сюжетов ПВЛ, связанных с Олегом – с одной стороны, с Аскольдом и Диром – с другой, подтверждается и тем фактом, что для летописца исходным хронологическим рубежом для датировки событий послужил именно поход Аскольда и Дира на Византию, когда собственно и стала «прозывать Руская земля»: «Въ лето 6360, индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывать Руска земля. О семь бо уведахомъ, яко при семьъ цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишется в летописании гречестемь. Тем же отселе почнем и числа положимъ...» [12. С.12]. При всем этом, летописец всячески проводит мысль о незаконности власти Аскольда и Дира, которые не являлись князьями. Д.С.Лихачев, комментируя данное обстоятельство, справедливо отмечал: «Скрытая мысль летописца состоит в том, что полноправные князья только из “племени”

Рюрика» [12. С.405]. Тем не менее, летописец не может отказать им в принадлежности к «руси».

Что касается сообщения под 882 г. («И седе Олегъ княжа въ Киеве, и рече Олегъ: “Се буди мати градомъ русьскимъ”. И беша у него варязи и словени и прочи, прозвашася русью») [12. С.14], то оно представляет собой осмысление людьми второй половины XI в. процессов формирования Киевской Руси и древнерусской народности [18. С.25] и не может восприниматься буквально. Более того, этот сюжет, на наш взгляд, следует в русле противоборства двух традиций, новгородской и киевской, за право политического первенства, в том числе и в плане преемственности с варяжской «русью». Так, касаясь вопроса «о начале Русьския земля и о князехъ, како откуду быша», Новгородская первая летопись (далее – Н1Л) исходила из примата Новгорода («преже Новгородчкая волость и потом Киевская») [15. С.103]. Новгородцы (словене) сыграли главную роль в призвании князей, и не случайно старший, Рюрик, сел княжить в Новгороде. Именно от призванных варягов прозвалась Русская земля. Особая роль новгородцев подчеркивалась и тем, что современные летописцу киевляне ведут свое происхождение от полян, а новгородцы – от варягов: «И беша мужи мудри и смыслене, наречяхуся Поляне, и до сего дне от них же суть кыяне...»; «И от тех Варягъ, находникъ техъ, прозвашася Русь, и от тех словет Руская земля; и суть новгородстии людие до днешнего дни от рода варяжьска» [15. С.105, 106]. (Несколько иначе данный фрагмент трактует В.Я.Петрухин [11. С.72]). Таким образом, новгородские книжники проводили мысль, что Русская земля прозвалась от их предков.

Полностью отбросить эти аргументы киевские книжники были не в состоянии. Поэтому они попытались перевести проблему «начала Руси» в иное русло, акцентировав внимание на вопросе, кто стал первым княжить в Киеве [12. С.7]. Не отрицая того, что «людье новгородьци от рода варяжьска, преже бо беша словени» [12. С.13], южный летописец предпринял попытку генетически связать с варяго-русами полян: «Поляне, яже ныне зовомая

Русь»; «А словенський языкъ и рускый одно есть, от варягъ бо прозвашася Русью, а первое беша словене; аще и поляне звахуся, но словенскаа речъ бе» [12. С.15, 16]. В дополнение ко всему, противоречия своему же утверждению о тесной связи новгородцев с призванными ими варяго-русами («И от техъ варягъ прозвася Руская земля, новугородьци, ти суть льдье ноугородьци от рода варяжьска, преже бо беша словени») [12. С.13], проводник киевской традиции, в цитированном выше известии под 882 г., окончательно «поставил всех на свои места», заявив, что «русью» словени и прочие стали называться после утверждения Олега в Киеве. При этом возникало существенное противоречие: Олег сначала окрестил Киев «матерью городов русских» (и это логично, так как князь русов /«русский князь»/ утвердил в нем свою резиденцию), а потом словене (уже проживавшие на территории подконтрольной русам, ставшие «от рода варяжьска», от которого и прозвалась Русская земля), равно как и сами варяги и прочие, «прозвались русью».

Таким образом, пассаж с «матерью городов» вставлен автором Повести временных лет в текст Начального летописного свода и является своеобразной «внешней санкцией» для обоснования первенствующего положения Киева.

(Следует отметить, что данная летописная фраза сложна для понимания и может быть истолкована по-разному. Д.С.Лихачев, ссылаясь на НІЛ, отразившую в своем составе Начальный свод, полагал, что «русью» варяги, словене и прочие стали называться именно с момента утверждения Олега в Киеве [12. С.409]. Это мнение утвердилось в историографии. Однако оно не бесспорно, и текст ПВЛ может быть истолкован в том смысле, что варяги, словене и прочие уже до прихода в Киев назывались русью. Поэтому, настаивая на своем утверждении о стремлении летописцев генетически связать новгородцев и полян с варяго-русами, допускаем возможность различной трактовки рассматриваемого эпизода летописной записи под 882 г.).

Выражение «мати градомъ русьскимъ» сопоставляли с греческим *mzφcъpълйт* (мать городов, метрополия, столица), полагая, что таким образом Олег провозгласил Киев столицей

[12. С.409]. В последнее время высказана точка зрения, согласно которой в летописной фразе, приписываемой Олегу, проводится прямое отождествление с «Новым Иерусалимом» [1. С.361]. Например, по словам В.Я.Петрухина, «в русской традиции, равно как в Хронике Амартола и в использованном составителем ПВЛ “Житии Василия Нового”, “мати градом” – это Иерусалим (Сион). Киеву была уготована роль сакрального центра – “второго Иерусалима”: эту роль он обрел после крещения Руси Владимиром, который сравнивается в летописи с Соломоном, и возведения им Храма – Десятинной церкви» [8. С.103]. «... В своей “Молитве” Иларион прямо сопоставляет Киев с земным Иерусалимом: “Тем же боимся, егда сътвориши на нас, яко на Иеросалиме...”» [8. С.109-110] и т.д.

В случае с Иларионом, думается, В.Я.Петрухин допускает существенные натяжки. Иларион просит Господа не допустить повторения русскими судьбы Иерусалима и евреев, не более того. Прямые параллели весьма опасны. Кроме того, в Святом Писании имеется указание и на другие «матери градам». Например, «матерью городов в Израиле» названа Авель-Беф-Мааха: «... Ты же ищещи оумертвити градъ и матеръ градовъ израилевыхъ: и почто потопляещи достояние Господне» (2 Цар. 20, 19).

Допустим, однако, что в рассматриваемой фразе Киев = Новый Иерусалим. Отсюда следует, что киевский книжник сакрально противопоставляет Киев Новгороду: Новый Иерусалим, таким образом, не Новгород, а Киев. В таком случае возникает закономерный вопрос, почему именно Олег назвал Киев «Новым Иерусалимом»? Не потому ли, можно ответить, что он был «вещим», а волхования, летописец в это верил, дивным образом сбываются? В такой ответ легко было бы поверить, ведь сами византийцы, под пером летописца, признали силу предвидения русского князя, сравнив его с Дмитрием Солунским. Однако сам же летописец и разрушил такую стройно созданную им иллюзию, дезавуировав положения о даре предвидения у князя: «И прозваша Олга – вещий: бяху бо людие погани и невеигласи» [12. С.17]. Более того, Олег, накануне своей гибели усомнился в пророчестве волхва и не смог предвидеть соб-

ственной смерти, заключенной в черепе его верного четвероногого друга [12. С.20]. Таким образом, «вещим» оказался не Олег, а волхв, предсказания которого Олег поставил под сомнения и высмеял. Именно в связи с предсказаниями волхва, а не деятельностью Олега, и привел летописец примеры, доказывающие: «Се же не дивно, яко от волхования сбывается чародейство» [12. С.20-21]. Напрашивается вопрос: «Мог ли князь язычник, которого “невеигласи” считали “вещим”, но который не смог предвидеть собственной смерти, предсказать Киеву судьбу Нового Иерусалима? Не логичнее ли это было сделать апостолу Андрею?». Другое дело, если летописец (неважно, из какого источника он заимствовал этот образ) под «матерью городов русских» имел в виду, все-таки, главенствующее политическое положение Киева. В таком случае получается, что апостол Андрей предсказал Киеву судьбу духовного (сакрального) центра восточных славян («...Яко на сихъ горах восияеть благодать Божья...») [12. С.9; 13. Стб.8], а Олег, утвердив здесь резиденцию княжеского рода превратил его в главный город на Руси. При этом варианте Киев получал преимущество и как сакральный центр, и как старший город среди других городов, и как местоположение великого князя русского, старшего в роде Рюриковичей, имевших право родового сюзеренитета над Русью. Тем самым иерархия Рюриковичей накладывалась на иерархию городов.

Как бы там ни было, Е.А.Мельникова, В.Я.Петрухин и их сторонники правы в том, что до прихода норманнских отрядов в Среднее Поднепровье ни о какой «Русской земле» здесь не может идти речи. Последние попытки реанимировать антинорманнистские концепции происхождения «руси» с использованием форм «руги», «Ruzzi» (здесь мы абсолютно солидарны с В.Я.Петрухиным) малоубедительны [7. С.87-88]. Вместе с тем точную хронологию утверждения «руси» в Киеве, равно как и степень достоверности сведений летописца, доподлинно установить невозможно.

Теперь вернемся к вопросу о «Русской земле» в узком смысле слова, как о «великокняжеском домене». Из современных историков эту точку зрения активно отстаивает В.Я. Петрухин.

Однако собственные наблюдения известного исследователя противоречат такой постановке вопроса. Так, комментируя историографическую ситуацию по поводу «изначальности “Русской земли” в узком или широком смысле», он, с некоторыми оговорками, склоняется к мнению «о раннем бытовании названия *Русь* именно в широком смысле». Вместе с тем, отмечает, что к X в. «относятся и упоминания триединства Киева, Чернигова и Переяславля (в договорах 911 и 944 гг.), правда, без идентификации их с Русской землей в узком смысле: вероятно, именно в X в. происходило формирование великокняжеского домена, который сохранил в эпоху раздробленности название «Русская земля» [9. С.278]. Напрашивается в этой связи вопрос: что это за домен, который держался на «триединстве» городов?

(Мнение о «триединстве» городов уже в X в., со ссылкой на договоры 911 и 944 г., не может быть принято, как и основывающийся на данном предположении вывод о формировании в X в. княжеского домена. В договорах отражена картина более позднего времени (XI – начала XII в. Более того, Переяславля ни в 911, ни в 944 г. еще не было в природе. Он основан в конце X в. Владимиром Святославичем, а в разряд ведущих городов, как увидим, войдет еще позже).

Более того, по мнению автора, «ряд» Ярослава, по которому он разделил перед смертью «домен» между сыновьями, был уже шагом «к «отчинному» – феодальному (удельному) распределению и наследованию столов». Однако «легитимность “отчинной” княжеской власти должны были признать главные города Русской земли – Киев, Чернигов и Переяславль и “тянувшие” к ним волости». Более того – раздел Руси, по В.Я. Петрухину, был предопределен как «рядом» Ярослава, так и «вечевым строем» городов» [7. С.189-193]. Из положений самого автора, таким образом, напрашивается вывод, что главную роль в политической жизни того времени играли не столько межкняжеские отношения, сколько отношения между городами.

Показательны в этом плане и построения А.В. Назаренко. С середины 1980-х гг. он отстаивает идею родового сюзеренитета Рюриковичей, в трактовке весьма близкой к построениям

представителей «теории родового быта» и проводит аналогии с Франкским королевством. По его мнению, «завещание» Ярослава Мудрого устанавливает порядок сеньориата, а до этого все братья были равны [5. С.504–505, 515–516; выводы А.В. Назаренко о родовом сюзеренитете, равно как и построения В.О. Ключевского, оказали известное влияние на В.Я. Петрухина]. Вряд ли можно отрицать родовой характер княжеской власти и значимость принципа родового старшинства. Но сводился ли только к ним порядок наследования? В этом следует усомниться. Сам А.В. Назаренко верно указывает на «принципиальное отличие» престолонаследования во Франкском государстве IX в. и на Руси XI в.: «У франков обладание императорским титулом не было связано с владением какой-то определенной (так сказать, “стольной”) областью...», тогда как на Руси «сеньориат был связан с обладанием богатым Киевским княжеством...» (правильнее было бы сказать «с Киевом») [5. С.517-518]. Значит и в данном случае дело не только в родовом сюзеренитете, но и в городах, выстраивавшихся в иерархию “старших” и “младших”, под которую подстраивалась и которой определялась, в значительной степени, родовая иерархия князей.

В литературе неоднократно обращалось внимание на особый статус Киева, Чернигова и Переяславля, их тесную взаимосвязь. Например, А.Н. Насонов видел в этих городах три главных центра «Русской земли» [6. С.29-31]. В.Я. Петрухин, как мы видели, очень удачно охарактеризовал отношения между Киевом, Черниговом и Переяславлем как «триединство». Вместе с тем неправомерно вести речь и о «трех главных центрах», и о «триединстве» городов применительно уже к началу X в. [6. С.29; 9. С.278].

О тесном взаимодействии Киева и Чернигова с начала формирования в Среднем Поднепровье «Русской земли» и вплоть до Батыева нашествия, о «коллективной ответственности» Ольговичей и Мономаховичей «за судьбы “Русской земли” и ее политических центров – Киева и Чернигова» ведет речь П.П. Толочко [21. С.15-21].

На наш взгляд, особая роль Киева, Чернигова и Переяславля, отмечаемая исследователями, определялась тем, что они сформировались

на основе полянской земли (с учетом поляно-русской экспансии на северо-восточном /«черниговском»/ и юго-восточном /«перемышльском»/ направлениях) – в территориальном, и норманно-полянского синтеза (немаловажную роль играли также тюркский, иранский и др. элементы) – в этнополитическом плане, что обеспечило господствующее положение региона в восточнославянском мире. Этим же обстоятельством (зона русо-полянского синтеза) и объясняется использование в летописях названиях «Русская земля» в «узком смысле» применительно к Среднему Поднепровью («Русская земля» там, где были «русские князья», а потом «русские города»). Поскольку господство над подвластными «племенами» поддерживалось усилиями всех русо-полянских центров, осуществлявших совместную их эксплуатацию, это обуславливало и особый характер отношений между этими центрами, и сохранение за крупнейшими из них ведущей роли в восточнославянском мире на протяжении XI столетия.

Из вышесказанного следует, что ведущую роль в политических процессах эпохи формирования древнерусской государственности играли те регионы и центры, где зафиксировано наиболее активное присутствие скандинавов. Последние явились той силой, которая активировала процессы политогенеза на территории Киевской Руси и, наложившись на мощную волну восточнославянской колонизации, придала им динамизм и масштабность.

Археологическим эквивалентом интеграционных процессов стало формирование так называемой «древнерусской культуры». Однако распространение последней обуславливалось не только военно-политической поляно-русской экспансией и усилением политических связей в рамках Киевской Руси, но и постепенным выравниванием уровня социально-экономического и культурного развития отдельных восточнославянских земель.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций. М., 1999.
2. Мачинский Д.А. О месте Северной Руси

- в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984.
3. Мельникова Е.А., Петрухин, В.Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX-X вв.) // Вопросы истории. 1989. № 8.
  4. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия) // История СССР. 1986. № 5.
  5. Назаренко А.В. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Т.1. (Древняя Русь). М., 2000.
  6. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: 2-е изд. М., 2002.
  7. Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т.1. (Древняя Русь). М., 2000.
  8. Петрухин В.Я. История славян и Руси в контексте библейской традиции: миф и история в Повести временных лет // Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2003.
  9. Петрухин В.Я. Комментарии // Ловмянский X. Русь и норманны. М., 1985.
  10. Петрухин В.Я. К проблеме формирования «Русской земли» в среднем Поднепровье // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1987 г. М., 1989.
  11. Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск; Москва, 1995.
  12. Повесть временных лет / Под ред. В.П. Андриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996
  13. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
  14. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.
  15. Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
  16. Пузанов В.В., Михайлов С.А. Летописное сказание о призвании варягов и норманнский вопрос // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории. Материалы науч. конф., посвящ. 20-летнему юбилею УдГУ, 23 окт. 1992 г., Ижевск / Отв. ред. В.В. Пузанов. Ижевск, 1993.
  17. Пузанов В.В. Образование Древнерусского государства: межэтнический симбиоз и иерархия территорий // Долгов В.В., Котляров Д.А., Кривошеев Ю.В., Пузанов В.В. Формирование российской государственности: разнообразие взаимодействий «центр–периферия» (этнокультурный и социально-политический аспекты). Екатеринбург, 2003.
  18. Пузанов В.В. У истоков восточнославянской государственности // История России: Народ и власть. СПб., 1997.
  19. Стрижак О.С. Русь, земля // Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Київ, 1985.
  20. Тихомиров М.Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Советская этнография. 1947. № 6–7.
  21. Толочко П.П. Киев и Чернигов в IX–XIII вв. // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. / Отв. ред. П.П. Толочко. Киев, 1988.

ON A QUESTION OF THE FORMATION OF «RUS' LAND» IN MID-DNIEPER REGION

© 2006 V.V. Puzanov
Udmurtsy State University

The article is to be considered as a contribution to the discussion on the origins of ethnic and political term "Rus' land". The author argues that the coming of Varangian Russes gave powerful impulse to the formation of "Rus' land"; he defines Mid-Dnieper region (Kiev, Chernigov, Pereiaslavl') as a zone of Varangian and Polianian synthesis. The influence of Varangian Russes, he argues, strengthened the East Slavs resettlement in given region and catalyzed the political rise of Kievan State.